18+

ВЛАДИМИР ИСАЕВ

МНОГОТОЧИЕ

Владимир Исаев
Многоточие

https://litres.ru/74757853
ISBN 9785007153652

Аннотация

Стиль Владимира Исаева — смесь бытового цинизма, метафизической тоски и сложной интеллектуальной эквилибристики. Сборный образ современной сетевой метафизической прозы, тяготеющей к мрачному экзистенциализму и бытовому мистицизму. Владимир Исаев — мастер мрачной, вязкой, метафизической прозы, где реальность крошится, как сухой хлеб, обнажая под собой шестеренки кошмарных механизмов.

Содержание

ЧАСЫ С ОБРАТНЫМ ХОДОМ 6
1 6
2 8
3 9
4 11
5 13
6 15
7 17
8 19
9 21
10 23
11 25
12 26
13 27
14 28
15 29
16 30
17 32
18 33
19 34
20 35
Сорок три 38
1 38

2 41
3 45
4 49
5 52
6 55
7 58
8 60
9 62
10 65
11 68
12 70
Многоточие 73
1 73
2 75
3 77
4 78
5 79
6 81
7 83
8 85
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Многоточие

Владимир Юрьевич Исаев

© Владимир Юрьевич Исаев, 2026

ISBN 978-5-0071-5365-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСЫ С ОБРАТНЫМ ХОДОМ

1

Он проснулся от того, что часы на тумбочке тикали слишком громко. Нет, не громко — навязчиво. Стук был похож на звук капель, падающих в пустое ведро, которое стоит в центре пустой комнаты. Каждая секунда отдавалась в позвоночнике.

Андрей сел на кровати и понял: он опять проспал. Проспал что-то главное. Но что? На календаре было красное число, но он забыл, какой это праздник. Или не праздник. Может быть, день рождения тещи? Или срок сдачи проекта? Или, что хуже всего, день, когда нужно было забрать дочку из лагеря?

Он вскочил.

Ноги сами понесли его на кухню, руки уже заваривали кофе, пока мозг пытался въехать в реальность. Спешить. Надо спешить. Это было не желание, это был приказ, вшитый в подкорку.

«Успеть бы…» — пронеслось в голове, но фраза оборвалась, не найдя конца.

Он выпил кофе залпом, обжег гортань. В зеркале в коридоре отразился мужчина с дикими глазами. Пиджак висел на спинке стула, второй ботинок куда-то пропал. Андрей метался по прихожей, как зверь в клетке. Спешить. Куда? На работу? Он взял трубку, набрал номер начальника, но сбросил вызов. А что он скажет? «Я опаздываю, но я не знаю, куда»?

Он выбежал из дома.

2

Улица дышала гарью и сыростью. Люди плыли мимо него, как рыбы на нересте: все в одну сторону, быстро, с выпученными глазами. Андрей влился в поток. Он шел быстрее всех, обгонял старушек, лавировал между колясками. Зачем он это делал? Ноги сами ускорялись.

Он поймал себя на мысли, что смотрит на часы каждые тридцать секунд. Но он не знал, во сколько ему нужно быть. Его мозг генерировал панику, не подкрепленную фактами.

«Успеть всё сделать», — шепнул внутренний голос. — «А что потом?»

Вопрос повис в воздухе, как невидимый крюк, за который Андрей зацепился подбородком и чуть не упал.

Он остановился прямо посреди тротуара. Люди огибали его, как вода огибает камень, но некоторые задевали плечом, толкали. Он стоял и пытался понять: что именно я должен успеть сделать? Список дел в голове был пуст. Абсолютно. Только белый шум и красная лампочка тревоги.

3

Он зашел в ближайшее кафе, чтобы перевести дух. Заказал эспрессо. Бармен был молод, с сережкой в ухе и абсолютно пустыми глазами.

— У вас есть секундомер? — спросил Андрей.

— Есть, — бармен кивнул на большие настенные часы.

Андрей посмотрел на стрелки. Они двигались рывками, как будто их кто-то дергал за ниточку. Каждый рывок был болезненным уколом в висок.

Рядом за столиком сидела женщина. Она что-то быстро писала в блокноте, потом вырвала лист, скомкала и выбросила. Потом начала писать снова. Андрей подошел к ней.

— Извините, вы не знаете, куда все спешат?

Женщина подняла голову. В ее взгляде была такая усталость, что Андрею стало не по себе.

— В никуда, — сказала она. — Мы все бежим в никуда. У меня вот презентация через час. Я должна успеть сделать

слайды, чтобы показать боссу, что я крутая. А он, скорее всего, даже не посмотрит. Но я спешу. Вы понимаете? Я должна успеть сделать вид, что я успеваю.

Она говорила быстро, глотая окончания. В её речи не было пауз. Пауза — это смерть.

— А что дальше? — спросил Андрей.

Она замерла. Ручка выпала из ее пальцев.

— Дальше? Я… Я никогда не думала о «дальше». Наверное, новый проект. Новый дедлайн.

Она снова схватила ручку и продолжила строчить.

4

Андрей вышел из кафе опустошенным. Ветер ударил в лицо, но не освежил. Напротив была библиотека. Старое здание с колоннами, где всегда было тихо. Андрей перебежал дорогу на красный свет. Спешить. Надо спешить, даже если в этом нет смысла. Он зашел внутрь. Пахло пылью и временем. Здесь время текло иначе — густо, как мед.

Он подошел к стойке. Библиотекарь — седая женщина в очках — медленно перелистывала книгу.

— Скажите, — выпалил Андрей, — вот мы бежим, торопимся. Пытаемся обогнать время. Это нормально?

— Молодой человек, — сказала она, не поднимая глаз, — время — это единственная валюта, которую нельзя накопить. Его можно только потратить. Вопрос в том, покупаете ли вы что-то ценное, или просто сжигаете купюры, чтобы погреться.

Она подняла глаза, и Андрей увидел в них бездну.

— Хотите я дам вам книгу? «Метроном для сумасшедших». Там написано, что спешка возникает от страха пусто-

ты. Спешащий человек боится остановиться и увидеть, что внутри него ничего нет. И он бежит, чтобы этот шум шагов заглушил тишину.

Андрей взял книгу. Он вышел на улицу, держа её под мышкой. Внутри действительно было что-то похожее на тишину. Но он не давал ей воцариться. Он тут же застучал каблуками по асфальту.

5

Он побежал в парк. В парке было зелено и влажно. Старухи кормили голубей. Голуби не спешили. Они клевали крошки с достоинством римских патрициев. Андрей с завистью посмотрел на них.

На скамейке сидел мужчина с трубкой. Он никуда не спешил. Дым поднимался вверх и растворялся в кронах.

— Эй, — крикнул Андрей. — Как вы можете просто сидеть? Как вы не сходите с ума от того, что время уходит?

Мужчина посмотрел на него мутными, философскими глазами.

— Куда оно уходит? — спросил он спокойно. — Оно всегда здесь. Просто мы бежим, и нам кажется, что оно за нами гонится. А если остановиться, то окажется, что мы стоим на месте, а время течет сквозь нас. И это совсем другое ощущение. Попробуйте.

Андрей присел рядом. Ноги его тряслись от привычки двигаться. Минута прошла в мучительном ожидании. Он смотрел на часы.

— Не могу, — сказал он, вскакивая. — Мне надо. Надо успеть…

Он оставил мужчину с трубкой и побежал дальше. Он бежал через весь город. Он перепрыгивал лужи. Он почти летел над землей.

6

К обеду Андрей понял, что совершил круг. Он вернулся к своему дому. Он стоял перед подъездом и тяжело дышал. Он потратил утро на бег по кругу. Он ничего не сделал. Он не починил кран, не купил хлеб, не сдал отчет. Но он был измотан так, как будто разгрузил вагон угля.

«Зачем?» — спросил он себя. И снова не услышал ответа.

Он поднялся в квартиру. В прихожей он нашел второй ботинок — он лежал под вешалкой, его просто не заметили в суматохе. Теперь весь этот бег казался глупым.

Он прошел в комнату и увидел на столе недописанное письмо. Он сел писать его неделю назад и бросил на полуслове. Адресат был обозначен: «Себе любимому». Он взял листок.

«Я пишу это, чтобы спросить тебя: что дальше? Когда ты достигнешь всего, что планировал? Когда купишь эту квартиру, когда сделаешь карьеру, когда вырастишь детей? Что тогда? Ты будешь смотреть в стену? Или тут же придумаешь новую цель, чтобы снова бежать?»

Строчка обрывалась.

Андрей посмотрел в окно. На улице стемнело. День прошел. Он ускорился, чтобы прожить день быстрее. И он прожил его быстрее. Теперь он здесь. Вечер. Пустота.

7

Внезапно зазвонил телефон. Это был номер дочери.

— Папа, — сказала она. — Ты когда приедешь? Я уже собрала чемодан. Ты обещал забрать меня утром.

Холодок пробежал по спине. Он забыл. Он проспал, вскочил, побежал, но побежал не туда. Он бежал в пустоту, а не к ней.

— Я… я выезжаю, — сказал он. — Сейчас, дорогая. Я быстро.

Он снова сорвался с места. Он выбежал из дома, сел в машину. Нужно было ехать за город. Дорога была долгой. Он нажимал на газ, подрезал другие машины. Он опять спешил. И в этот раз у него была ЦЕЛЬ. Забрать дочь. Искренняя, настоящая цель.

Он мчался по трассе и думал: «Вот оно. Сейчас я приеду, обниму ее, и все встанет на свои места. Вот что значит „успеть всё“. Это не про работу и не про слайды. Это про главное».

Он чувствовал эйфорию. Он нашел ответ. Смысл спешки — в любви, в долге. Он уже мысленно обнимал дочку, представлял ее улыбку.

Он мчался 80, потом 100, потом 120. Окна дрожали. Он не смотрел на спидометр.

8

Он въехал в поворот. На асфальт выбежала собака. Андрей вывернул руль. Машину занесло. Визг шин. Удар. Жесткий, глухой удар о дерево. Стекло разлетелось бриллиантами по воздуху.

Тишина. Звенящая, абсолютная тишина.

Андрей открыл глаза. Он был жив. Он сидел на водительском сиденье, капот дымился, но он был жив. Он вылез из машины. Руки тряслись. Он посмотрел на часы — они остановились. Стрелка застыла на том моменте, когда он врезался.

Он достал телефон, позвонить дочери. «Абонент вне зоны доступа». Он стоял посреди леса, в тишине, и вдруг понял страшную вещь. Он никуда не ехал. Он только что въехал в дерево. Он не доедет. Или доедет, но очень поздно.

Но самое страшное было не в аварии. Он понял, что пока летел в машине, пока руль вырывался из рук — он был счастлив. Да. В тот момент, когда он терял контроль над реальностью, он чувствовал себя живым. Всплеск адреналина. Свобода падения.

«Вот оно что, — подумал он. — Мы спешим не чтобы успеть. Мы спешим, чтобы создать риск. Чтобы почувствовать, что мы живем. Без риска жизнь — это резиновая дорожка. А риск — это пропасть, у которой захватывает дух».

9

Он пошел пешком по дороге. Было темно. Лес шумел. Он бросил машину на обочине и побрел. Теперь он точно никуда не спешил. Куда спешить, если время остановилось? Он шел и смотрел на небо. Звезды были огромными и холодными.

Он дошел до какой-то заправки. Тусклый свет, запах бензина. Внутри сидел пожилой мужчина, охранник, и смотрел телевизор по черно-белому, с рябью.

— Мне позвонить надо, — сказал Андрей. — Телефон разбился.

— Нет телефона, — буркнул охранник. — Связь только там, — он показал на аппарат с дисковым набором на стене.

Странный аппарат для двадцать первого века. Андрей подошел. Диск был старый, с дырками для пальцев. Он набрал номер дочери. В трубке раздались гудки. Связь была плохая, трещала, как старый патефон.

— Алло? — раздался голос. Голос был дочери, но какой-то странный, эхо.

— Дочка, я попал в аварию, но я жив. Я сейчас… — начал он.

— Папа, — перебила она. — Ты не приедешь, да?

Он хотел сказать: «Нет, приеду», но слова застряли. Он посмотрел на часы на стене заправки. Они тоже стояли. На них было 00:00.

— Дочка, — сказал он тихо. — Что ты делаешь?

— Я жду, — ответила она. — Я всегда жду. Ты всегда куда-то бежишь. Ты никогда не здесь. Ты либо в прошлом, либо в будущем. Тебя никогда нет со мной сейчас.

Эти слова ударили его сильнее, чем удар о дерево.

10

Он повесил трубку. Аппарат издал противный звон. Охранник усмехнулся, не оборачиваясь от телевизора.

— Призраки, — сказал охранник. — Это наша станция. Она на границе. Тут часто звонят мертвые или те, кто не успел. Садись, парень. У тебя вид такой, будто ты встретил самого себя на перекрестке.

Андрей сел на стул. Он чувствовал себя пустым сосудом.

— Я всю жизнь спешил, — сказал он. — Я хотел успеть всё. Закончить школу, чтобы поступить в институт. Закончить институт, чтобы найти работу. Найти работу, чтобы заработать деньги. Заработать деньги, чтобы… чтобы… Боже, я даже не помню, зачем мне были деньги. Просто чтобы бежать дальше.

— Ты хотел успеть за временем, — сказал охранник. — Но время не ждет. Оно просто есть. Ты не можешь его обогнать. Ты можешь только умереть раньше времени от инфаркта. Или… — он замолчал. — Или однажды ты поймешь, что уже пришел.

— Куда пришел? — спросил Андрей.

— В конец, — просто ответил охранник. — В точку, где бежать некуда.

Охранник налил ему чай из термоса. Жидкость была странного цвета, почти черная.

— Допивай, — сказал он. — И иди. Или не иди. Но главное — прими.

11

Андрей вышел. Теперь он точно знал, что не доедет сегодня. Он сел на лавочку у входа. Ноги гудели. В голове была каша. Он вспомнил свой день: кофе, улица, женщина в кафе, библиотекарь, парк, мужчина с трубкой, письмо себе. Это был сумасшедший день. Или сумасшедшая жизнь?

Он достал из кармана ту самую книгу из библиотеки: «Метроном для сумасшедших». Он открыл её наугад.

«Спешка — это форма отчаяния. Человек, который спешит, не верит, что у него есть завтра. Он крадет время у своего будущего „я“, чтобы дать его своему прошлому „я“, которое уже ничего не чувствует. Остановись и посмотри, куда ты бежишь. Скорее всего, ты бежишь по кругу. И твой след замыкается на твоей же спине».

Андрей отбросил книгу в сторону. Философия бесила его.

— Я хочу конкретики! — закричал он в ночь. — Куда МНЕ бежать? Зачем МНЕ жить?

Лес молчал.

12

Он заснул на лавочке. Ему приснился сон. Он стоял на огромном циферблате, который крутился под ногами. Стрелки были размером с небоскребы. Он бежал по циферблату, но куда бы он ни бежал, он оставался на месте. Он видел свою жизнь: вот он маленький, вот он подросток, вот он женится, вот рождается дочь. Но он видел это всё одновременно. И он бежал, пытаясь дотронуться до этих картинок, но они ускользали.

Раздался голос. Громкий, как набат.

— Андрей! Ты думал, что время течет. Но время — это стоячая вода. Это ты движешься. Ты покидаешь моменты своей жизни быстрее, чем они успевают случиться. Ты уходишь ДО того, как пришёл. Вернись!

13

На горизонте светлело. Новый день. Андрей побрел назад, к своей разбитой машине. Он хотел позвонить в эвакуатор, но телефон не отвечал. Он просто стоял и смотрел на смятую фольгу автомобиля. Его машина, его скорость, его гордость — всё это лежало грудой металла.

Вдруг из леса вышла девочка. Она была в платьице, босиком. В руках она держала одуванчик. Андрей вздрогнул. Девочка была копией его дочери, только маленькой, лет пяти. Но она не могла быть здесь.

— Ты кто? — спросил Андрей.

— Я та, кого ты потерял, — сказала девочка. — Я твоя жизнь, которую ты не прожил. Ты всегда хотел, чтобы я выросла быстрее, чтобы начать говорить, чтобы пойти в школу, чтобы закончить школу… Ты пролистывал меня, как страницы. Я устала ждать. И я ушла вперед, без тебя.

Она дунула на одуванчик. Пушинки полетели в его сторону и закружились, как снег.

Андрей хотел её обнять, но она растаяла, как дымка.

14

…Он спешил не для того, чтобы жить. Он спешил для того, чтобы избежать момента «сейчас». Потому что «сейчас» было тяжело. «Сейчас» было больно, скучно, тревожно. Он бегал в будущее, чтобы не чувствовать настоящего.

А что дальше? Он достигнет пика карьеры, купит дом, вырастит детей. И что тогда? Он сядет на крыльце этого дома и поймет, что все билеты в кино уже проданы, а фильм закончился. И он сидит в пустом зале, смотрит на экран, где уже бегут титры.

«Что дальше?» — спросил он у воздуха. — «После того, как я успокою свою душу? После того, как перестану бежать? Что я буду делать с жизнью, если в ней не будет цели?»

15

Он увидел указатель на обочине. Металлический, ржавый. На нем было написано: «НАЗАД — 0 км. ВПЕРЕД — 0 км».

Он стоял в центре координат. И там, в этой точке, не было ничего. Абсолютный ноль. Андрей закрыл глаза. Внутри него больше не было паники. Была пустота. Но эта пустота была похожа на чистый лист бумаги.

«Если я не бегу вперед и не бегу назад, — подумал он, — я нахожусь здесь. А здесь — это все, что у меня есть».

Он достал из кармана помятое письмо, адресованное себе. Он посмотрел на него и разорвал. Смысл не в ответе на вопрос «Что дальше?». Смысл в том, что вопрос «Что дальше?» — это наркотик. Он крадет сейчас.

16

Он пошел пешком домой. Медленно. Он шел несколько часов. Он смотрел на траву, на муравьев, на облака. Он не думал о завтра. Он не думал о том, что скажет начальник. Он не думал о том, что он неудачник, потому что разбил машину.

Он просто шел и дышал.

Когда он добрался до города, был полдень. Он зашел в тот же парк, где сидел мужчина с трубкой. Тот мужчина все еще сидел там. Или уже сидел? Андрей сел рядом.

— Вы все еще здесь? — спросил Андрей.

— Я никогда не уходил, — ответил мужчина. — А ты? Ты понял, куда бежал?

— Я бежал к себе вчерашнему, — сказал Андрей. — Я хотел исправить то, что уже сделано. И бежал к себе завтрашнему, чтобы он меня похвалил. Но я забыл про себя сегодняшнего.

— Молодец, — сказал мужчина и выпустил кольцо дыма.

— Ты пришел.

17

Он поехал к дочери, но не на машине, а на электричке. Он не звонил ей, чтобы не врать, что приедет через час. Он просто ехал. Медленные вагоны, стук колес. Он смотрел в окно. Он решил не обещать. Он решил просто быть.

Когда он приехал, она стояла на перроне с чемоданом. Нахмуренная, обиженная.

— Ты опоздал на сутки, — сказала она.

— Да, — сказал он. — Извини. Я бежал, но бежал не туда.

Она посмотрела на него странно. Он был спокоен. Она привыкла видеть его взъерошенным, с дикими глазами. А тут — спокойствие. Она не знала, что это такое.

Он подошел, обнял её и не отпускал долго. Она сначала напряглась, а потом расслабилась. Секунда длилась вечность.

18

Они ехали обратно в город в вагоне. Она спросила:

— Пап, а что мы будем делать, когда приедем?

— Ничего, — сказал он.

— Как ничего? — удивилась она.

— А что мы должны делать? — спросил он в ответ. — Есть только сейчас. В этом вагоне. Мы едем вместе. Этого достаточно.

Она пожала плечами и уткнулась в телефон. Он не стал ругаться. Он просто смотрел, как она нажимает на кнопки. Он тоже был в телефоне, в своих мыслях. Но он решил не спешить выходить из этого вагона.

19

Дома он не стал включать компьютер. Он не стал проверять почту. Он лег на диван и смотрел в потолок. Тишина в квартире больше не пугала его. Она была наполненной. Он понял, что всю жизнь искал громкие звуки, чтобы не слышать себя. Но внутри него, в этой тишине, жил мир. Маленький, тихий, но его собственный.

«Что дальше?» — снова шепнул голос в голове, но уже слабо.

Андрей мысленно ответил ему: «Дальше — сейчас. Я не хочу заглядывать за горизонт. Я хочу смотреть на этот потолок, слышать дыхание дочери за стеной, чувствовать запах хлеба из пекарни за углом. Если я умру завтра, пусть я умру сегодня».

Голос замолчал.

20

Прошла неделя.

Андрей перестал носить часы. Ему казалось, что они его подгоняют. Он купил в цветочном магазине горшок с фикусом. Медленно растущее растение. Он поливал его каждый день ровно в пять вечера. Не для того чтобы оно выросло быстрее, а чтобы увидеть, как вода впитывается в землю.

Однажды вечером он сидел в кресле. В руках у него была книга «Метроном для сумасшедших», но он её не читал. Он смотрел в окно. Шел снег. Снежинки падали медленно, кружились, падали, кружились.

Вдруг он услышал звук. Громкий, настойчивый. Сердце забилось быстрее. Это был звонок в дверь. Андрей вскочил с кресла, но не побежал открывать. Он замер. Он решил, что успеет. Пусть постоят.

Он медленно подошел к двери, открыл. На пороге стояла его дочь. Она была заплаканная.

— Папа, — сказала она, — я только что узнала… В новостях говорили про ту аварию, про водителя, который врезал-

ся в дерево на той трассе. Они сказали, что водитель умер на месте. Это была твоя машина. Папа… Я забрала твои вещи из морга. Ты лежишь там уже неделю.

Андрей смотрел на неё. Он чувствовал себя абсолютно реальным. Он видел её слезы, слышал её голос. Но слова про морг пронзили его, как ледяной нож. Он поднял руки. Они были прозрачными. Сквозь них он видел узор на обоях.

Он умер. Да, он умер на той трассе, когда врезался в дерево. Всё, что было после: разговор с охранником, девочка с одуванчиком, возвращение домой, фикус, снег — это было «после». Это была попытка его души закончить свой «бег», остановиться, оглянуться. Он спешил в жизни так сильно, что даже смерть обогнала его.

Он умер, не успев попрощаться. Он умер, гоня за призрачным «завтра». И только МЁРТВЫЙ, он, наконец, научился жить — в этом чистилище, в этой паузе между ударом и падением.

Он посмотрел на свои прозрачные руки и улыбнулся ей грустно, одними глазами. Он не мог говорить. Он мог только смотреть.

— Папа, — прошептала она, — я люблю тебя. Не уходи.

Но Андрей уже не бежал. Он стоял. И он чувствовал, как его прозрачное тело растворяется в воздухе, в этой последней минуте, которую он не хотел тратить на спешку. Он просто стоял и смотрел на дочь, запоминая каждую чёрточку её лица, каждую слезинку, каждую секунду этой вечности.

Он спешил всю жизнь. И только тогда, когда ему стало некуда спешить, он понял, что самое главное всегда было рядом. Оно просто ждало, пока он остановится.

Снег за окном перестал кружиться. Застыл в воздухе, как на фотографии. Андрей посмотрел на часы на стене, которые он так и не снял. Они показывали 00:00.

Сорок три

1

Внук появился на пороге в тот момент, когда я как раз заканчивал чистить картошку. Не для супа — для драников, по-стахановски, чтобы с хрустом. Глянул на его физию и сразу понял: всё, приехал человек. Рожа — как перезревший помидор, который не то чтобы уронили, а скорее — им же по стене и проехались. Глаза мутные, плечи ссутулены, и даже кеды на ногах как-то поникли, будто резина оплакивает собственное существование.

— Чего нос повесил? — спросил я, не оборачиваясь. — Алюминий в башке кончился или любовь неразделённая?

Он вздохнул. Это был такой вздох, что мог бы разогнать тучи над всем нашим микрорайоном, но не разогнал.

— Дед, — сказал он хрипло. — Она ушла.

Я картофелину в руке задержал. Посмотрел на неё, на внука, потом опять на неё. Картофелина была ровная, глазки у неё были аккуратные, такие, что даже вырезать ничего не на-

до. Я положил её в сторону, отдельно.

— Это которая? — спросил я. — Та, с красными волосами и родинкой над губой?

— Нет, — сказал он обречённо. — Та была два года назад.

— А, ну да. А эта?

— Эта… — он запнулся, и я понял, что сейчас начнётся самое страшное. — Эта — настоящая.

Ну вот. Приехали. «Настоящая». Слово, которое в шестнадцать лет весит больше, чем вся остальная Вселенная, включая чёрные дыры и налог на квартиру.

Я вытер руки о видавшую виды тряпку, которая висела на краю раковины ещё со времён Брежнева, и махнул ему рукой.

— Проходи, — сказал я. — Садись. Будем разговор говорить.

Он прошёл, сел за кухонный стол, положил голову на руки. Прямо как памятник самому себе. Я поставил чайник. У нас заварка была не абы какая, а с мятой, которую бабка

сушила собственноручно. Кстати, бабки не было — ушла в магазин за хлебом, но это я потом понял, а сначала просто не обратил внимания.

— Рассказывай, — сказал я, садясь напротив. — Только без этого. У нас на кухне не завод по производству соплей.

2

Он рассказал. Обычная история. Весна, школьные коридоры, она — блондинка с глазами цвета той самой небесной синевы, которую рисуют на открытках, а он — рыцарь на велосипеде «Стелс». Они смотрели друг на друга, дышали одним воздухом, слушали одну музыку. И тут — бац. Вчера она сказала ему, что ей нужно «пространство». И завтра у неё занятия по испанскому. И вообще, она чувствует, что он её «ограничивает».

— Я просто хотел, чтобы она была счастлива, — сказал внук, и голос у него предательски дрогнул.

Я помолчал. Чайник закипел, я залил мяту, пододвинул ему кружку.

— Выпей, — сказал я. — Успокойся. И слушай сюда.

Он поднял на меня свои мокрые глазищи. Я вздохнул, откинулся на спинку венского стула, который скрипел на все ноты, словно оркестр имени Осипова, и начал.

— Вот смотри, — сказал я и кивнул на стену, где висела наша с бабкой свадебная фотография в рамке. Там мы стоя-

ли: я в каком-то нелепом пиджаке, она — в платье, которое шила три месяца. Щёки полные, взгляды — как у людей, которые только что выиграли в лотерею и не знают, куда деньги девать. — Мы с моей старухой прожили как в сказке. Сорок лет и три года.

— Это красиво, — прошептал внук.

— Красиво? — переспросил я. — Это не красиво. Это — работа. Ты думаешь, тридцать три года — это букет цветов каждый день? Щас я тебе расскажу, как это работает.

Я сдвинул кружки на середину стола, освободил место.

— Утро, — сказал я. — Я встаю. Первым делом, пока глаза ещё не продрались, пока чай не заварен, я смотрю на её лицо. На настроение. И, прости господи, я должен угадать, что у неё в голове происходит сейчас, в эту самую секунду. Это, Вовка, не просто. Это даже спустя десятилетия.

— Почему? — спросил он, заворожённый.

— А потому что она — женщина. А там, внутри неё, архитектура такая, что сам Ле Корбюзье бы охренел. Сегодня у неё хорошее настроение — она мне улыбается. Я угадал — я могу пойти на рыбалку или просто сидеть в тишине, и день

пройдёт как по маслу. Мы будем пить чай, она будет вязать, я буду читать газету, и всё будет в ажуре.

— А если не угадал? — спросил внук.

Я вздохнул тяжело.

— Если не угадал, — сказал я, — считай, пропал день. Всё пойдёт через пень колода. Я скажу «доброе утро», а она — нахмурится. И вот уже этот хмурый взгляд начинает проецироваться на всё: на чай, на завтрак, на погоду за окном. Я возьму ложку не из той секции, где она любит, — ай, плохо. Я скажу, что картошка пересолена, — вообще край. И весь день, понимаешь, я буду ходить по этому тонкому льду. И самое главное, Вовка, что обижаться не на кого.

— То есть как — не на кого? — удивился он. — На неё же.

— Нет, — сказал я твёрдо. — Ты же сам выбирал. Никто за уши не тянул. Это как в зеркало смотреть и обижаться. Ну глупо же, правда? Ты стоишь, смотришь на своё отражение, а отражение тебе лыбу даёт не ту, какую хочется. Ты что, начнёшь на зеркало кулаком махать? Нет. Потому что это — ты и есть. Так и тут. Я выбрал её. Я выбрал этот характер, эти глаза, эти сорок три года. Каждый день я просыпаюсь и делаю выбор: или я злюсь на то, что она не угадала мои

мысли, или я угадываю её.

3

Внук смотрел на меня с таким лицом, будто я ему только что разгадал теорему Ферма на салфетке.

— Ну и что мне делать? — спросил он. — Я люблю её. А она меня — нет.

— Да кто ж его знает, — пожал я плечами. — Может, и любит. А может, и нет. Ты не готов. Или она не готова. Или оба. Вселенной виднее, куда и кому чего.

— «Вселенной»? — переспросил он с горькой иронией. — дед, ты серьёзно? Вселенная? Ты же прагматик, ты всегда говоришь, что никакого Бога нет, есть только законы физики.

Я улыбнулся.

— Бог или физика — не важно. Но есть такая штука, Вовка. Я её называю «Большой Сценарий». И там не написано «жили долго и счастливо» для всех подряд. Для кого-то написано «помучились и разбежались». Для кого-то — «встретились на день и разошлись». И это тоже — правильно.

— Правильно? — он аж привстал. — Как это может быть правильно, если мне больно?

Я протянул руку и положил её ему на плечо. Он дёрнулся, но потом замер.

— Ты сейчас сидишь, — сказал я, — и думаешь, что у тебя внутри всё сгорело. Что без неё — пустота. Правильно?

— Да.

— А я тебе скажу так. Твои переживания — это пыль для неё. Не в смысле, что ты — говно. А в том смысле, что она живёт своей жизнью. У неё там, в голове, свои архитекторы, свои Ле Корбюзье. Она сейчас, может, даже не вспоминает тебя. Она уже переключилась на испанский, на свою подругу или на новую музыку. А ты сидишь и пережёвываешь эти гранулы боли, как старый жвач. Завтра ты уже будешь вспоминать её с лёгкой грустью, а послезавтра — удивишься, что вообще так переживал.

— Ты так думаешь? — спросил он тихо.

— Я не думаю, — сказал я. — Я знаю. Потому что у меня такое тоже было. В моей жизни было три таких «настоящих», а четвёртой стала твоя бабка. И знаешь что? Если

бы я тогда, в первом классе, повесился из-за той, которая не пришла на мою контрольную по математике, я бы не сидел здесь с тобой.

Я замолчал. В кухне было слышно, как тикают старые ходики. Они тикали с какой-то нечеловеческой уверенностью, будто знали всё наперёд.

— А не забудешь, — добавил я жёстко, — значит дурак, туда тебе и дорога. Любовь — она как гриб. Если он не твой, он несъедобный. Хоть жарь, хоть парь, хоть с майонезом ешь — всё равно отравишься.

Внук сглотнул. Помолчал. Потом задумчиво уставился в кружку.

— А ты свою любишь? — спросил он вдруг.

— Кого? — переспросил я.

— Бабушку.

Я посмотрел в сторону окна. Там за стеклом качались ветки старого клёна. Солнце садилось, и кухня наполнялась оранжевым светом, как апельсиновый сок.

— В том-то и дело, — сказал я медленно. — Я её люблю. Но не так, как в кино. А как… ну, как собственные руки. Ты же не любишь свои руки в прямом смысле слова? Ты просто понимаешь, что без них — никак. Ты с ними проснулся, ты с ними уснул. Они могут делать больно, могут делать добро. Но они — часть тебя. И когда я смотрю на её лицо по утрам, я не думаю «о боже, какая красота». Я думаю: «Господи, дай мне сил понять хотя бы что ей сейчас надо». И, знаешь, в этом есть кайф.

— Кайф? — не понял внук.

— Ага. В том числе и чтобы угадать. Это игра. И если ты выиграл — ты король. А если проиграл — ну что ж, завтра новый раунд. Это как квест. Только длиною в жизнь.

4

Тут дверь хлопнула. Вошла бабка. Высокая, в цветастом платке, с авоськой, из которой торчала буханка «Бородинского» и пакет кефира.

— О, — сказала она, глядя на внука, — а ты чего такой кислый? Мать не кормит?

— Да любовь у него, — сказал я буднично. — Несчастная.

Бабка глянула на меня, потом на внука. И вдруг усмехнулась.

— А ты ему рассказал? — спросила она.

— Что? — не понял я.

— Как мы с тобой познакомились, — сказала она, ставя хлеб на стол. — Или ты опять про свои утренние гадания рассказал?

Внук переводил взгляд с меня на неё.

— А как вы познакомились? — спросил он.

Бабка засмеялась. Смех у неё был звонкий, как разбитое стекло, если его собрать в колокольчик.

— Он меня не любил, — сказала она просто. — Он вообще на меня внимания не обращал. У него была тогда другая — Надя. Такая вся из себя, в джинсах-клеш, с гитарой.

Я покраснел. Честно слово, покраснел, как помидор в теплице. Это было давно, я и думать забыл.

— Что? — вытаращился внук.

— Да, — кивнула бабка. — Он бегал за ней три года. А я просто сидела на лавочке и читала. И однажды, когда Надя уехала в другой город, он пришёл ко мне и сказал: «Ну, делать нечего, пойдём в кино». И пошли.

— То есть как — «делать нечего»? — спросил внук, глядя на меня с таким укором, будто я предал все идеалы человечества.

— Вот так, — сказал я, отводя взгляд. — Не было любви. Был расчёт. Она сидела на лавочке, у неё была косичка, и она пекла пирожки с капустой. А Надя… Надя уехала. И что мне, одному сидеть?

— А теперь? — спросил внук шёпотом.

Бабка подошла ко мне сзади и положила руки мне на плечи. Я почувствовал, как она сжала их чуть сильнее обычного.

— А теперь, — сказала она, наклоняясь к моему уху, — скажи ему правду, старый пень.

И тут я понял, что всё. Это момент истины. Я сглотнул, выпрямился и посмотрел внуку прямо в глаза.

— Вовка, — сказал я. — Есть одна вещь, которую надо запомнить. Я только что расписывал тебе утренние квесты, про «угадай настроение», про то, что я выбрал — и не обижаюсь. Да?

— Да, — кивнул он.

— Так вот. Это всё — враньё.

5

Он застыл. Даже чай в его кружке, кажется, перестал дымиться от удивления.

— То есть как враньё? — спросил он.

— А так, — сказал я, сбрасывая руки бабки с плеч. Она засмеялась и отошла к плите. — Я тебе сейчас рассказал красивую сказку для того, чтобы ты успокоился. Чтобы ты понял, что боль — это нормально, что она проходит, что надо работать над отношениями и прочая, прочая, прочая. Это как книжка по саморазвитию, которую ты купишь в киоске и будешь читать в метро, чтобы казаться умным. Но правда, Вовка, она не в этом.

Он смотрел на меня, как на сумасшедшего.

— А в чём? — спросил он.

Я поднялся, подошёл к старому серванту, достал из него початую бутылку самогона, налил себе граммов сто пятьдесят в гранёный стакан.

— Правда, — сказал я, — в том, что я не угадываю её

настроение по утрам. Вообще не угадываю. Я просто делаю вид, что угадываю, а она делает вид, что я угадал. И мы оба знаем, что это спектакль. Но мы его играем уже сорок три года.

— Зачем? — выдохнул он.

— Затем, — сказал я, отпивая самогон. — Что если бы я каждое утро реально пытался влезть в её голову и понять, что ей надо, я бы сошёл с ума на десятом году. Или на пятом. А может — на втором. Человеческий мозг, Вовка, не создан для того, чтобы жить в чужом мозгу. Это как пытаться прочитать книгу через закрытую обложку. Можно, конечно, потренироваться, но результат будет всегда примерно такой: «Чую, у тебя проблемы с печенью» или «Ты злишься, что я не вынес мусор».

Бабка хмыкнула, не оборачиваясь.

— Он прав, — сказала она. — Он ни хрена не угадывает. Я просто смирилась, что он тупой как валенок. И он смирился, что я сварливая как цепная собака. И мы живём.

Внук сидел, открыв рот. Он переводил взгляд с меня на неё и обратно, и в его глазах проступало что-то новое. Не боль, нет. Удивление. И какой-то даже страх.

— Но ты же говорил… — начал он.

— Я много чего говорил, — перебил я. — Я тебе сейчас про это всё и рассказал, чтобы ты успокоился. Но сейчас, когда твоя бабка пришла и сдала меня с потрохами, я тебе скажу главное. Садись ровно, сейчас будет последняя страница учебника.

6

Я сел обратно. Поставил стакан на стол. Пальцы у меня были чуть-чуть дрожащие — возраст, а может, волнение. Я редко говорю правду, обычно я говорю то, что полезно. А это — разное.

— Запомни, Вовка. Та девочка, которая тебя бросила, — она не дура. Она сделала ровно то, что должна была сделать. Потому что если бы она осталась с тобой, вы бы начали этот самый спектакль. И вы бы его играли. И вы бы делали вид, что всё у вас отлично. Но каждый день, каждое утро ты бы смотрел на неё и думал: «А что там, в её голове?». И ты бы не знал. Ты бы никогда не узнал. Даже через тридцать три года.

— А как же вы? — спросил он. — Вы же тоже так живёте. Вы же делаете вид.

— А ты считаешь, это плохо? — спросил я, наклоняясь вперёд. — Ты считаешь, что надо было разбежаться, потому что я не знаю, о чём она думает? Нет. Мы потому и живём, что мы приняли это за правило. Мы — два старых актёра, которые играют одну пьесу. И нам эта пьеса нравится. Даже если мы не знаем текста друг друга.

— Это… это странно, — сказал он.

— Это называется «брак», — сказала бабка, оборачиваясь. — Это не любовь. Это договор. И в этом договоре написано: «Я буду терпеть твои закидоны, ты — мои. Я буду варить тебе борщ, ты будешь чинить мне кран. Я буду делать вид, что ты меня понимаешь, ты — что я тебя ценю». А любовь, внучёк, она для дураков. Только через десять лет оказывается, что любовь — это когда вам хорошо молчать в одной комнате, а не когда у вас бабочки летают.

Он замолчал. Долго молчал. Я налил себе ещё коньяку и пододвинул ему печенье.

— А ты сам… — начал он, запинаясь. — Ты сам не хочешь настоящего?

Я усмехнулся.

— Настоящее, — сказал я. — Это когда ты утром встаёшь, идёшь на кухню, а она уже там. И она тебе говорит: «Ты опять ночью храпел». А ты ей: «Ты опять воровала мою подушку». И вы оба знаете, что это неправда. Ты храпел, но она не воровала подушку. Она просто хочет, чтобы ты знал: она есть. И ты хочешь, чтобы она знала: ты есть. Настоящее — это когда вы оба соглашаетесь на фальшь, чтобы не потерять

факт присутствия.

— Грустно… — выдохнул Вовка.

— Нет, — сказал я. — Это честно. Грустно — это когда ты ждёшь, что кто-то будет читать твои мысли, а он не умеет. И ты обижаешься на него, как на зеркало. А ты просто прими, что мысли читать никто не будет. Никто. Хоть проживи сто лет.

7

Тут бабка подошла к столу, села рядом. Взяла мою руку в свою. У неё руки были шершавые, в морщинах, но тёплые.

— Слушай, Вовк, — сказала она мягко. — Ты сейчас думаешь, что мы тебя обманули. Что мы тут расписали тебе красивую картинку брака, а потом достали из-под неё серый фон. Но мы тебе скажем ещё кое-что.

— Что? — спросил он обречённо.

— А то, — сказала бабка и переглянулась со мной. Я кивнул. — Та девочка, которая тебя бросила, она через месяц выйдет замуж за другого. А ты через год встретишь свою.

— Откуда вы знаете? — изумился он.

— Мы не знаем, — сказал я. — Но это неважно. Важно то, что ты сейчас смотришь на свои страдания как на трагедию. А надо смотреть как на кино, которое ты смотришь в зале. Ты же не бежишь к экрану, когда герой умирает, и не пытаешься его оживить? Ты просто сидишь, смотришь, и в конце фильма говоришь: «Ну, неплохо, но могло быть и лучше». Так и с ней.

— Это не фильм, — упрямо сказал он. — Это моя жизнь.

— А ты попробуй сделать её фильмом, — сказал я. — Придумай хороший сценарий. Я сейчас тебе дам рецепт. Ты сейчас пойдёшь домой. Ляжешь спать. Завтра встанешь и пойдёшь на речку. Не смотреть на уток — а просто сидеть. И пока ты будешь сидеть, ты подумаешь: «А какой я хочу финал?». Не с ней. А вообще. Ты хочешь быть счастливым или ты хочешь быть правым?

— При чём тут правота? — спросил он.

— А при том, — вставила бабка. — Ты сейчас страдаешь, потому что ты хочешь, чтобы она была не права. Чтобы она поняла, какую ошибку совершила. Да? Признайся.

Он покраснел.

— Ну… может быть.

— А вот тут — собака и зарыта, — сказала бабка. — Ты не хочешь её вернуть. Ты хочешь, чтобы она раскаялась. А это — не любовь. Это — борьба за звание главного страдальца.

8

Я рассмеялся. Бабка всегда умела расставить точки над «ё» так, что эти «ё» начинали светиться в темноте.

— Слушай её, — сказал я. — Она у нас умная. Но есть у меня ещё одна вещь. Секрет. Я тебе его не рассказывал, но расскажу.

Я допил самогон, поставил стакан и посмотрел в потолок. Потолок у нас был с трещиной, похожей на карту мира. Я на неё часто смотрел, когда мне становилось грустно.

— Когда я понял, что твоя бабка навсегда, я сделал одну вещь. Я перестал её спрашивать, о чём она думает.

— То есть как? — не понял Вовка.

— А вот так. Я сказал себе: она думает о своём. И это её территория. Я туда никогда не войду. И в тот момент, когда я это принял, я стал свободным. Потому что я перестал пытаться прочитать закрытую книгу. Я просто сел рядом и стал ждать, когда она захочет прочитать мне вслух строчку. Иногда она читает — иногда нет. Но я не обижаюсь, потому что книга не обязана читать мне вслух. Понял?

— Понял, — сказал он, но я видел, что не понял.

— Ладно, — махнул я рукой. — Объясню проще. Ты сейчас сидишь и думаешь, что она ушла от тебя, потому что ты плохой. Не надо. Она ушла, потому что у неё своя книга. И в той книге не было главы про тебя. Или была, но коротенькая, на одну страничку. И вот она перелистнула. И всё. А ты продолжаешь залипать на ту страницу, которую уже прочитали. Ну переверни ты, ради бога, и ты увидишь, что там дальше белые листы. И ты их сам заполнишь.

— А если я не хочу? — спросил он упрямо.

— Тогда ты дурак, — сказал я жёстко. — Я тебе уже говорил. Туда тебе и дорога.

9

Мы сидели ещё час. Пили чай. Бабка достала свои фирменные пирожки с капустой (я же говорил, что у неё это отлично получается). Внук съел три штуки и немного ожил. Я видел, как уходит эта пелена с его лица. Не полностью, но её становится меньше, она уже не закрывает глаза, а просто висит где-то в районе переносицы.

Он встал.

— Спасибо, — сказал он. — Вы, конечно, странные у меня, деды. Но я вас люблю.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь. — Иди. Завтра на речку.

— На речку, — повторил он.

Он уже был в прихожей, когда я окликнул его.

— Вовка.

— А?

— Ты только запомни одну вещь. Самую главную, которую я тебе сказал.

— Какую?

— Ту, про зеркало. Ты сейчас смотришь на свои страдания, и тебе кажется, что они — главные в мире. Но это — твоё зеркало. Ты обижаешься на себя. Потому что ты позволил ей уйти, потому что ты не угадал, потому что ты… много всего. Но это же ты. Ты сам. Ты сейчас обижен на самого себя, что не был достаточно крут, достаточно красив, достаточно умён. А она тут при чём? Она уже ушла, она уже в другом фильме.

Он замер.

— И что мне делать с этой обидой на себя?

— А ничего, — сказал я. — Просто принять, что ты такой. И даже если бы ты был круче, она бы всё равно ушла. Потому что дело — не в тебе. Дело — в том, что у неё уже был билет в другой поезд. И ты — просто станция, на которой она купила себе булочку.

— Грубо, — сказал он.

— Зато правдиво, — сказал я. — Иди.

Он ушёл. Захлопнулась дверь.

10

Я вернулся на кухню. Бабка уже мыла посуду.

— Ну что, — сказала она не оборачиваясь. — Зачем ты ему соврал?

— В каком смысле — соврал? — удивился я.

— Про зеркало. Про то, что он обижается на себя. Это же не так. Ты же сам знаешь.

Я подошёл к окну. На улице зажглись фонари. Они горели тускло, жёлтым, как старые фотографии.

— Знаю, — сказал я тихо. — Он обижается на неё. И правильно делает.

— Тогда зачем ты перевернул всё с ног на голову?

— Чтобы он не ненавидел её, — сказал я. — Чтобы через год, когда он встретит свою, он не тащил за собой этот груз. Пусть лучше он думает, что дурак он сам. С самим собой можно договориться. С чужим человеком, который тебя предал, — нельзя.

— А ты сам? — спросила бабка, оборачиваясь. На её лице была лёгкая, понимающая улыбка. — Ты тоже обижался на меня, когда я уезжала на юг в тот год?

Я помолчал.

— Это было пятьдесят лет назад. Да, обижался. И до сих пор иногда обижаюсь, когда ты уходишь в магазин и долго не возвращаешься.

— Это не одно и то же, — сказала она.

— Это всегда одно и то же, — сказал я. — Просто с возрастом учишься с этим жить.

Она подошла, обняла меня со спины. Я чувствовал её запах — пирожки, мята, старость и что-то неуловимо родное.

— Ладно, — сказала она. — Ты у меня молодец. Сказочник.

— А ты — моя главная слушательница, — сказал я. — Тридцать три года слушаешь одну и ту же чушь.

— И ничего, — сказала она. — Это даже интересно. Каж-

дый раз — новая чушь.

11

Наутро я проснулся рано. Солнце только начинало пробиваться сквозь занавески. Рядом сопела бабка. Я посмотрел на неё. Лицо у неё было спокойное, безмятежное.

И тут я вспомнил, что я говорил внуку. Про утренний ритуал. Про попытку угадать настроение.

Я усмехнулся. Врать надо уметь красиво. Сейчас, например, я понятия не имел, о чём она думает. Может, о том, что пирожки сегодня подгорели. Может, о том, что у неё болит спина. Может, о том, что она хочет новое платье.

Но я взял и просто поцеловал её в макушку. Она не проснулась, только заворочалась.

И пошёл на кухню ставить чайник.

Потому что, если честно, главный секрет, который я не сказал внуку, был в другом.

Надо не угадывать настроение. Надо его создавать.

Самому.

Своими руками.

Без магии и телепатии.

И я, старый дурак, уже сорок три года создаю ей утро. А она — мне.

И в этом, наверное, и есть любовь.

А то, что он там переживает из-за своей блондинки, — это так, тест-драйв. Пройдёт. Я тоже прошёл.

И что самое интересное — он вернётся. Через год. С другой.

И я ему скажу ту же самую чушь.

И он опять поверит.

Потому что мы, старики, умеем делать из пыли — пирожки.

А из разбитых сердец — хороший чай.

12

Вовка вернулся не через год. Он вернулся через месяц.

Я сидел в саду, копался в своих георгинах, когда калитка скрипнула. Я поднял голову — стоит. И не один.

Рядом с ним стояла девушка. Не та, блондинка. Другая. Короткая стрижка, веснушки, и взгляд — как у кота, который нашёл сметану, но не уверен, что можно.

— Дед, — сказал он. — Это… это Наташа.

Я поднялся, отряхнул колени.

— Вижу, — сказал я. — Проходите.

Они прошли в дом. Бабка уже суетилась на кухне, гремела чашками. Внук с Леной сели на ту же самую кухню, где месяц назад он разводил сырость.

Я сел напротив. Посмотрел на него. Он сидел прямой, спокойный. Не было этой подростковой куриной сутулости.

— Ну, — сказал я. — Рассказывай.

Он улыбнулся. Потом кивнул на Наташу:

— Она не уходит. Она любит меня.

— А ты её? — спросил я.

— А я угадываю, — сказал он с вызовом.

Я засмеялся. Протянул руку, потрепал его по голове.

— Молодец, — сказал я. — Правильно. Угадывай. Только, смотри, не переугадайся. А то останешься без заварки.

Лена засмеялась. Смех был звонкий, искренний.

Бабка принесла пирожки.

И вдруг мне показалось, что я ошибся месяц назад.

Может быть, он не такой уж и дурак.

И она не пыль.

И всё у них будет… по-другому.

Но это — уже совсем другая история…

Многоточие

Посвящается тем, кто выбирает свет,
даже когда выключили рубильник.

1

Говорят, что человек умирает дважды. Первый раз — когда останавливается сердце. Второй — когда он перестает задавать себе вопрос «зачем?». И если первую смерть можно отсрочить диетами и бегом по утрам, то вторую не отменишь ни самым дорогим лекарством, ни сменой паспорта.

Кто-то обронил в одном из своих эссе: «Одиночество — это не комната без окон. Это комната, где окна есть, но ты забыл, как выглядит улица». Я перечитывал эти строки, сидя в своей берлоге на двадцатом этаже, и смотрел, как за стеклом тает ноябрьская слякоть. За окном горели окна соседнего дома. Там кто-то ужинал, кто-то ругал детей за тройку по математике, кто-то изменял жене с секретаршей в скайпе. Там кипела та самая публичность, которая, как меня уверяли, и есть счастье.

Но я знал правду. Я знал, что за каждым из этих светя-

щихся окон сидит человек, который втайне мечтает, чтобы эти окна погасли. Чтобы осталась только тишина. Чтобы никто не звонил, не требовал отчета, не ждал улыбки.

Вопрос, который мучил меня последние три года, был прост, как удар молотка: Что легче вынести? Быть всеми забытым в душной квартире с больными ногами или быть всеми нужным, но сгнить заживо в полированном кабинете под звуки оваций?

2

Мой сосед сверху, дядя Миша, был инвалидом первой группы. Ему ампутировали обе ноги после той аварии на трассе, что случилась в девяносто пятом. Он жил один. Жена ушла через год, дети приезжали раз в полгода, привозили гречку и консервы, целовали в лоб и уезжали в свою публичную жизнь — в офисы, в суды, в банки, где решались судьбы миллионов.

Я поднимался к нему, чтобы вынести ведро. Он всегда просил оставлять его в коридоре, потому что «запах мусора — это запах жизни, Вовка, привыкай».

— Дядя Миш, — спросил я его однажды, — тебе не страшно? Ну, вот так. Лежать. Смотреть в потолок.

Он хитро прищурился и достал из-под матраса пухлую папку. Там были чертежи. Не детские каракули, а настоящие, инженерные, с допусками и отклонениями. Он проектировал систему очистки воды для своего района. Вручную.

— Страшно, — сказал он, — когда нечего проектировать. А так — я тут президент вселенной. Вон, смотри, трубу надо переложить. Если завтра позвоню в горсовет, они меня

пошлют. А если позвоню сыну, он пошлет меня еще быстрее. Но чертеж-то есть. Понимаешь? Есть результат. Значит, я живу.

Я смотрел на его культи, спрятанные под одеялом, на его седую щетину, на его горящие глаза, и мне становилось стыдно. Стыдно за свои две здоровые ноги, за свой страх выйти из дома, за свою работу, которая съедала меня изнутри.

3

Моя работа была публичной. До жути публичной. Я был советником министра финансов. Нет, не тем парнем с портфелем, который раздает указы. Я был тенью. Я писал речи. Я цифрами рисовал картины счастья для миллионов. Я знал, где лежат деньги, и знал, где они исчезают. Мои дни проходили в мраморных коридорах, где каждый прохожий стрелял в тебя взглядом, проверяя, не хочешь ли ты занять его место.

Это была та самая публичность, о которой мечтает провинциальный юноша. Тебе звонят. Тебя цитируют. Твоя фамилия мелькает в скромных, но заметных сносках. Ты — часть системы. Ты — винтик, но винтик золотой.

Однако внутри меня росла черная дыра. Каждое утро, когда я надевал свой пиджак за три тысячи долларов, я чувствовал, как ткань душит меня. Я выходил в свет софитов, я улыбался, я пожимал руки, я врал так искренне, что сам начинал верить в эту ложь, и к вечеру, возвращаясь в свою стерильную квартиру, я не мог выдавить из себя ни слова.

Я завидовал дяде Мише. По-черному завидовал. У него не было ног, но у него была цель. У меня были ноги, но они бегали по кругу, словно у загнанной лошади в цирке.

4

Финал моей карьеры случился в четверг. В три часа дня. Я сидел в приемной министра, правил очередную преамбулу к бюджету, и вдруг моя рука перестала слушаться. Я хотел взять ручку, но пальцы разжались. Ручка упала на мраморный пол, и звук ее падения показался мне оглушительным грохотом.

Я попытался встать, но ноги отказали. Мое тело, которое я так берег, — я не пил, не курил, бегал по вечерам в фитнес-клуб, — вдруг превратилось в кусок ваты.

Инсульт. Легкий, но обидный. Меня госпитализировали, три дня держали под капельницами, а на четвертый день пришла новость: меня уволили. Формулировка была красивая — «в связи с состоянием здоровья». Но я знал: как только чиновник становится обузой, он превращается в мусор. Публичность развернулась ко мне спиной. Телефоны замолчали. Приемные ушли в тень.

Через месяц я вернулся в свою квартиру. С палочкой. Ноги ходили, но плохо. Левая сторона тела слушалась с задержкой в полсекунды, будто я играл по спутниковому каналу.

5

Одиночество настигло меня не как враг, а как старый друг, который пришел забрать долги. Первую неделю я рыдал. Я смотрел в потолок и вспоминал лица тех, кто жал мне руку в коридорах власти. Где они теперь? Пьют кофе с моим преемником.

Я превратился в дядю Мишу. Но без чертежей. Без цели. Я просто лежал на диване, смотрел новости и ненавидел всех этих говорящих голов, которые решали судьбы страны. Я был зол, обижен и пуст.

На восьмой день одиночества я не выдержал. Я не мог больше лежать. Я еле дошел до кухни, налил чай и уронил кружку. Она разбилась. Осколки разлетелись по кафелю. И тут я услышал стук в дверь. Это был дядя Миша. Он приполз на своей коляске, потому что услышал звон через стену.

— Вовка, — сказал он, — ты чего?

— Миш, — прохрипел я, — забери меня отсюда. Я больше не могу. Я тут один. Я пустой.

Он посмотрел на меня своими глубокими, выцветшими

глазами, в которых горел тот самый инженерный огонь, и сказал фразу, которую я запомнил навсегда:

— Одиночество — это кровать. Публичность — это операционный стол. На том и на другом можно выздороветь, а можно сдохнуть. Вопрос не в мебели, Вовка. Вопрос в том, что ты думаешь.

6

Он стал приходить ко мне каждый день. Он приносил свои чертежи и заставлял меня пересчитывать допуски. Он говорил, что у меня математический склад ума, и что я — гений в арифметике, просто раньше я применял это для воровства, а теперь могу применить для созидания.

Мы начали проектировать. Сначала — систему водоотведения для его района. Потом — бюджет для общественной организации инвалидов. Дядя Миша диктовал, я писал. Трясущейся рукой, но писал. Мы создавали бумажную империю.

Я вдруг понял, что за эти годы в министерстве я нахватался схем, знаний, связей. Они валялись у меня в голове мертвым грузом, пока я ждал звонка от министра. Но стоило мне остаться одному, в четырех стенах, с палочкой и больной ногой, как этот груз ожил.

Мы отправили проект в горсовет. Нас послали. Мы отправили во второй раз — с юридическими обоснованиями, с расчетами, с письмами поддержки от трех депутатов, которых я когда-то крышевал. Нас приняли.

Дядя Миша назвал это «Бюро добрых дел». Смешно и по-советски наивно. Но нам выделили маленький кабинет на первом этаже нашего же дома.

7

Я начал выходить. Я опирался на палочку, я хромал, я был страшен, я был инвалидом. Но я перестал быть одиноким. Вокруг меня стали появляться люди. Другие такие же — выброшенные системой, забытые детьми, списанные по акту.

Я помогал им заполнять документы. Я писал за них жалобы. Я знал, где лежат деньги, и, черт возьми, я научился вытаскивать их из-под спуда бюрократии для тех, кому они нужны по-настоящему.

И в один прекрасный день ко мне в кабинет вошел мой бывший начальник, министр. Он похудел, побледнел, под глазами залегли синие круги. Он стоял на пороге моей конуры с бумажной папкой в руках.

— Привет, — сказал я, не вставая. Ноги болели.

— Здравствуйте, — ответил он, и я услышал в его голосе ту самую пустоту, которую чувствовал когда-то сам. — Мне нужна ваша помощь.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время искренне, по-человечески.

— Проходите. Вы как раз вовремя. У меня тут есть проект по перераспределению средств для паллиативных центров. Вы ведь помните, как подписывать такие бумаги?

8

Прошел год. Я сидел в своей комнате, но комната уже не была берлогой. Она была штабом. У меня не было ног в полном порядке, левая рука плохо слушалась, но я чувствовал себя архитектором вселенной.

И вот, в тот самый вечер, когда я дописывал отчет о помощи пятьдесят седьмому ветерану, дядя Миша ушел. Он умер во сне. Спокойно, с карандашом в руке. Рядом лежал новый чертеж — он проектировал парк для колясочников в центре города.

Я не плакал. Я был благодарен. Он не просто научил меня жить в одиночестве. Он научил меня, что одиночество — это не наказание. Это дверь. Ты можешь сидеть и смотреть на нее, а можешь вставить в замочную скважину свой смысл.

Однако в моей голове все еще гулял тот старый вопрос: Что лучше? Я знал, что в соседнем доме, в центре, сидит мой бывший шеф. Он ушел в отставку, его никто не помнит. Он богат, он здоров, но он один. Он купил себе дом в Испании, но его дети не звонят ему. Он публичный человек, но его публика забыла о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.